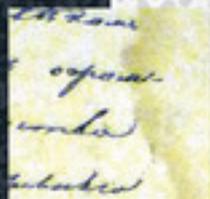

ГРАНИ
ФИЛОСОФИИ

В. А. Кутырев

Философия постмодернизма

DirectMEDIA

Грани философии

Владимир Кутырёв

Философия постмодернизма

«Директ-Медиа»

2014

УДК 1/14
ББК 87

Кутырёв В. А.

Философия постмодернизма / В. А. Кутырёв — «Директ-Медиа»,
2014 — (Грани философии)

Постмодернизм становится синонимом современного философствования, конкретизируясь как постструктурализм, деконструкция и грамматология. В пособии рассматриваются: 1) исторические предпосылки возникновения философского постмодернизма; 2) процессы и способы деконструкции вещно-событийного мира и деантропологизации человека; 3) построение новой информационно-виртуальной онтологии; 4) проблемы коэволюции миров и сохранения идентичности *Homo vitae sapiens*. Предназначено для магистров и аспирантов гуманитарных специальностей, а также всех, кто интересуется современными тенденциями развития философии.

УДК 1/14

ББК 87

© Кутырёв В. А., 2014
© Директ-Медиа, 2014

Содержание

Введение	5
Глава 1. Исторические предпосылки постмодернизма	9
Становление постчеловеческой цивилизации	9
Эпоха постмодерна и постмодернизм	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Владимир Александрович Кутырёв

Философия постмодернизма

Научно-образовательное пособие

для магистров и аспирантов

гуманитарных специальностей

Введение

Особенность современного символического универсума в том, что он постепенно становится постмодернистским. Постмодернизм, который ещё недавно резко и дружно критиковался как феномен открытого нигилизма, превращается в моду, почти норму мысли. Широкая вузовско-академическая общественность, сначала протестующе ворчавшая, теперь все чаще оперирует этим понятием. Его включили в программы гуманитарного образования, а у энтузиастов любого нового любой ценой оно знаковое: элементы постмодернизма обнаруживают чуть ли не у Гомера, первыми постмодернистами вот-вот объявят египетских фараонов. Антиисторизм и поверхностность мысли присущи не только масс-медиа. Они проникают в культуру, в том числе философию. Подлинная образованность, культивируя ответственное мышление, должна это преодолевать. Но не ради преодоления самого по себе, а предлагая позитивные решения стоящих за поверхностными подходами реальных проблем.

Ответственное мышление отличается тем, что оно не праздное, не игровое, не «искусство для искусства», а обусловлено потребностями общества, этапом исторического развития человечества. Мировоззренчески говоря – бытием и ценностями, представлениями о желательном. Не отвергая факты, феномены, оно должно смотреть вперед, анализируя их в тенденции, по последствиям и произносить «приговор», оценивая с точки зрения влияния на перспективы человека и общества. Мы декларируем эту прямо противоречащую идеологии постмодернизма установку как своеобразный эпиграф к данному пособию, ибо она принципиально важна для отношения к обсуждаемому типу философствования, выявлению его плюсов и минусов, понимание места, которое оно занимает в современной культуре.

До настоящего времени постмодернистское философствование, конкретизирующееся как постструктурализм, деконструкция, грамматологизм существует в основном в виде идеологии – в преврат(щен)ной форме, в качестве «ложного сознания». Как некое произвольное открытие чистых философов, прежде всего французских, филиация или отрицание идей прежней метафизической философии. И совсем мало, почти не обсуждается, что это отражение современной реальности, что его движущие причины находятся в ней. Даже не в культуре, а в производстве, буквально по Марксу, в технико-экономических отношениях. Что это реакция на становление постиндустриального информационного общества, временами прямая гуманитарная транскрипция идей «It from bit» – все из компьютера. Или артикуляция тени, которую будущая информационная революция уже отбрасывала. Постмодернизм предвосхитил процесс становления на Земле новых микро-, мега- и виртуальных миров, но поскольку его связь с ними не выявляется, он до сих пор остается их рефлексом, а не рефлексией.

Огромное количество людей, теоретиков, «принявших постмодернизм», пересказывают его идеи без осознания их действительного смысла. Просто привыкают, научаются манипулировать соответствующими терминами и словами. В их устах и писаниях он предстает как род абсурдистской литературы со всеми ее типическими признаками. Его, мол, и не надо пони-

мать. Заняты «нарративом», описанием, но не природы, культуры, общества, личных переживаний, а чужих текстов. Да и вообще: истина, логика, организация, смысл – всё это устарело, стремиться к ним – значит стремиться к «репрессивной ясности». Читателю как бы выписывается индульгенция на существование в мире с закрытыми глазами. А философу, теоретику – с «широко закрытыми глазами». Многие такой индульгенцией охотно пользуются, рискуя, что в случае, если отрицающее человека развитие возобладает, они даже не будут знать, когда их не будет. Мы в предлагаемом пособии преследуем противоположные цели.

В первой главе рассматриваются исторические предпосылки постмодернизма вообще и философского – в частности. Главная, обобщающая из них – становление постиндустриальной информационной цивилизации, «эпохи постмодерна», которую можно охарактеризовать как постчеловеческую. В XX в. сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, возникли новые среды – микро и мегамиры, виртуальные реальности, где целостный человек существовать не может. Постмодернизм есть специфическая культурная форма осознания этих миров. В качестве идеологии он стремится представлять от имени всей эпохи постмодерна. Выявляются направления, школы и авторы внутри классического и неклассического модернизма, которые стали почвой формирования постмодернистского философствования. Его непосредственным предшественником наиболее правдоподобно считать лингвистический поворот, обусловленный им структурализм и реляционизм как своеобразное гуманитарное предвосхищение информационной революции. «Деидеологизация» феномена постмодернизма требует выхода за пределы его трактовки в виде филиации идей, раскрытия связей с изменениями в бытии.

Вторая глава посвящена деконструкции в ее широком и узком смысле слова. В широком смысле она часто отождествляется с философским постмодернизмом вообще. В узком – это приемы и методы «прочтения» какого-либо текста ради достижения поставленных новым читателем целей. Главная цель деконструкции – демонтаж традиционной вещно-телесной реальности и деантропологизация человека. Реальности не только природы и материи, но и трансцендентных, идеальных сущностей. Это означает замену метафизической картины мира, культивировавшуюся человечеством в течение более двух тысяч лет, как «присутствия» и логоса, картиной, в основе которой лежит «отсутствие» и матезис. Постмодернистская модель мира является отражением экспансии информационно-компьютерных технологий (ИКТ). Анализируются новые понятия, которые пришли на смену метафизическим, процессы превращения вещей в симулякры и концепты, повторение и различие, детерриториализация и децентрация мышления. Показано, что борьба с «этно-фалло-фоно-логоцентризмом» это борьба с антропо-тело-эмпирио-словоцентризмом ради их замены «техно-интелло-инфо-цифроцентризмом». Центризм сохраняется, но – Другой.

В третьей главе предпринята критическая реконструкция категориального аппарата собственно постчеловеческой идеологии: «тело без органов», «тело без пространства», «субъектность», «сингулярность», «персонаж» и др. Считается, что постмодернизм «заменяет слово телом». Это видимость. Тело в нем объект интереса, но не ради сохранения, укрепления и культивирования, а для демонтажа, разложения и трансформации. «Тело без органов» – биосубстратное воплощение человека без свойств, «расчищенное место» для нанесения знаков или вживления чипов. «Тело без пространства» – тело, которое не весит, «не вещит» – которое на экране. Оно заслоняет протяженные живые тела. Человек-субъект превращается в сингулярность, в лучшем случае в персонаж и «гомутер» как концепт и техноид, заменяющие целостного телесно-духовного субъекта. Персонаж есть то, что остается от Homo sapiens в контексте computer science. Гомутер также не может считаться человеком, поскольку в нем потеряна всякая мера идентичности. Анализируются теории обезличивания и «расчеловечивания человека», попытки замены философской антропологии персонологией или гуманоло-

гией. Информационная антропология возможна при условии преодоления деконструктивистской парадигмы мышления и деятельности.

В четвертой главе раскрывается «позитив» постмодернистского философствования, учение о том, что приходит на смену метафизике и тому миру, который она выражала. Это грамматология, теория письма. Речь, язык, иероглифы, буквы – его разновидности. Как новая субстанция, (архе)письмо первопричина всего, аналог огня, воды, атомов, кварков, знаков. Грамматология есть гуманитарная транскрипция теории информации – программология, теория автоматического письма, software работающего компьютера. Грамма – «пустой знак», бит информации, когда о ней говорят на идеологическом языке и хотят вывести из культуры, минуя техническую подоплеку. В результате компьютерного синтеза возможностей информатики с достижениями наук о микромире возникла так называемая виртуальная реальность. Идеал в применении виртуальной реальности – появление у людей возможности чувствовать, мыслить, действовать и «жить» в полностью искусственной среде, поддерживаемой имитационно-симуляционными технологиями. Показывается, что это будет среда Иного. С появлением возможных миров реальность перестала совпадать с бытием. Иное – это (не)бытийная постчеловеческая реальность.

Пятая заключительная глава посвящена экологии бытия, обсуждению идей, условий, стратегии сохранения Homo vitae sapiens и адекватной ему естественно-предметной реальности. Возможные миры нельзя закрыть, но нам важна наша реализация возможного. Для продолжения ее существования нужны сознательные усилия к ограничению становления в пользу бытия, к отказу от ориентации на универсальный эволюционизм в пользу коэволюции миров. Нужен не сциентистский, а гуманистический взгляд на бытие. Гуманистический – значит приведенный к мере человека. Нужно феноменологическое, а не теоретическое отношение к миру. Феноменологическое – значит ценностное, ставящее границу манипулированию формами реального, которой является тождественность человека себе как целостному телесно-духовному существу. Теорию выживания эпохи постмодерна можно определить как явление и идеологию археоавангарда.

Итак, с одной стороны мы хотим представить постмодернизм как таковой, обусловленный объективными обстоятельствами, а с другой, критиковать его экспансионистские поползновения к разрушению всех остальных форм духовной жизни, включая состоявшиеся, исторические.

Важно видеть как это делается, чтобы знать, иметь выбор, что принять, а чему противостоять. Наконец, предложить некий *modus vivendi* между реализмом и модернизмом, отражающими наш природный, предметный макромир, и постмодернизмом как, по сути, идеологией иных, информационно-виртуальных микро- и мега-миров. Проблемы экологии, еще недавно относимые к природе, стали актуальными для культуры и человека, вообще – Бытия.

Поскольку это пособие для магистров и аспирантов, людей теоретически «продвинутых», подход скорее концептуально-понятийный, интерпретирующий, нежели специально методический. Специфика научно-образовательного текста в том, что в сравнении с научным исследованием оно, кроме познавательных целей, предполагает ясность изложения полученных результатов, их укорененность в жизненной практике.

«Знай дело – слова придут», главное условие успешного публичного выступления, и не надо преувеличивать значение риторических ухищрений. «Понимай смысл – знание появится», главное условие успешного теоретизирования, и не надо преувеличивать значение методических приемов, часто надуманных. Хотя в том и другом случае технические элементы небесполезны. Для подчеркивания особо значимого высказывания применяется *курсив*. По наиболее авторитетным персоналиям постмодернистской философии приведены биографические данные. Список литературы включает книги только по постмодернизму и ограничен необходимым минимумом.

Начнем, пожалуй. В постмодернистском духе, как его образец, с рекламы и цитаты: Иоганн Готлиб Фихте. «Ясное как солнце сообщение широкой публике о сущности новейшей философии»...

Глава 1. Исторические предпосылки постмодернизма

Становление постчеловеческой цивилизации

В конце второго тысячелетия после рождения Христова человечество приблизилось к рубежу, исторически сравнимому с возникновением неолита, а по своей будущей значимости, по-видимому, его превышающему. Неолитическая революция, как известно, была переходом от приспособительного действия человека в природе (собирательство, охота, рыболовство) к ее сознательному и целесообразному изменению – преобразованию. Обработка земли с помощью механических орудий, выведение пород животных и растений с желательными признаками представляют собой примеры направленной перделки я.

Но и в макром мире (или «мезокосме», как иногда еще говорят), т. е. на самой Земле технологическая революция привела к тому, что началось освоение недр земли, где нет жизни, овладение скоростями, с какими не передвигается ни одно живое существо. Используя специальные приспособления, человек видит, слышит, осязает во много раз дальше и сильнее, чем позволяют органы его тела (и органы других живых существ), что ведет к росту числа ситуаций, в которых как таковые они его больше не ориентируют. Это вызывает возрастание роли рационального, мыслительного. *К началу XXI в. сфера деятельности людей превысила сферу их жизни, раздвинула ее границы и стала определяться достигнутой мощностью разума.*

В условиях новейшего этапа технологического прогресса (информационного) деятельность человека выходит за пределы не только его чувств, но за пределы его мышления и воображения. Методологи говорят о контринтуитивности сверхсложных нелинейных систем, ищут «безумные идеи», «немыслимые мысли». И находят, но, как оказывается, за пределами собственно человеческой головы, во взаимодействии с системами искусственного интеллекта. Логика обсуждают вопрос: как возможны «невозможные миры». Получается, что невозможные в двузначной классической логике, они вполне возможны в многозначных, машинно исчисляемых логических системах. Теоретическая физика в своих авангардных областях покидает трехмерное пространство и оперирует 10-11-мерным, изображая его на информационных машинах, без которых человек не может такое пространство не только изобразить, но и вообразить. Живо обсуждается вопрос: насколько мы можем доверять компьютерам (например, при доказательстве математических теорем). Возникают все новые виды деятельности, где «чистое» человеческое мышление, как и чувства, нас больше не ориентирует.

Этот процесс выливается в формирование новой информационно-компьютерной реальности как *реальности отношений, а не вещей*. В ней человек присутствует только идеально, проигрывая все действия фактически без участия своего тела, даже в быту, например, наблюдая или «играя» в хоккей по телевизору. Критериями существования внешнего мира в таком случае становится популярный операторский принцип: что вижу, то имею. Что воспроизводится, то и есть. Быть – это быть в восприятии. Появилось немало людей, для которых информационно-компьютерная реальность значимее вещно-объектной, ибо большую часть времени они живут в информационном окружении, и они, по крайней мере их сознание, не нуждаются в предметных прототипах (даже если не брать компьютерных наркоманов). Таковы особенности их работы, их жизненного мира.

Совершенно фантастические перспективы открываются с изобретением сначала называемых мнимыми, а теперь все более «реальных» виртуальных реальностей. Объединение компьютерной графики, телевидения, объемного звучания, специальных костюмов и перчаток, начиненных датчиками обратной связи – вместе это позволяет создавать целиком искусственные, вещественно не связанные с предметным миром среды. «Абсолютно внешнее». *Сверх-*

естественное. Телесно оставаясь в теплой комнате, лежа на диване, человек в своем сознании и переживаниях будет, например, мчаться на лыжах по заснеженному горному склону, плыть под водой или, будучи импотентом, обнимать первую красавицу мира. Парадоксальное достижение! Сознание отделяется, отчуждается от тела. Субстратно тело человека будет находиться в одном мире, а его дух, психика даже функциональные отправления – в другом. Какой мир следует считать истинным, «естественным» – собственно человеческим? Сложилась ситуация, в которой все меньше мест, все меньше времени, где и когда человек действует как целостное телесно-духовное существо. Великий разрыв! *Живое за пределами жизни, дух покидает тело* – это глубинная причина бытийного кризиса человечества, проблем экологии и гуманизма.

Минимально забегаая вперед, а может быть просто констатируя факт, надо сказать, что *человеческой цивилизации больше не существует: она превратилась в постчеловеческую*. Отсюда многочисленные «пост» – постклассическая и постнеклассическая наука, постиндустриальное общество, постистория и постхристианство, постструктурализм и постмодернизм, наконец, – все это приближение и частное проявление постчеловеческих свойств окружающей нас реальности в целом, когда человек становится элементом, фактором, агентом чего-то им созданного и более сложного. Оно для него не «анти», но уже «пост». Постчеловеческая цивилизация – не цивилизация без человека. По крайней мере – пока. Это мир, созданный и создаваемый им самим, но приобретающий независимость от своего творца. Изменяясь в дальнейшем по автономным законам и становясь несоразмерным, «иномерным» человеку как конечному существу, он заново ставит перед ним проблему своего понимания и освоения. Таким становится характер производимой нами «второй и третьей природы» – сложной многомерной искусственной реальности, все более и более определяющей нашу жизнь. Как бы она ее не унесла совсем!

Эпоха постмодерна и постмодернизм

Понятия, как грибы или люди, в большинстве случаев живут семьями. Притом традиционного типа – патриархальными, клановыми. Они могут то сосредоточиваться, вбирая в себя чуть не все ближайшее окружение, то заводить интриги и родство на стороне, пуская от своего корня десятки побегов. Притом, что в каждой сфере жизни для одного и того же явления, предмета – «денотата» часто вырабатываются собственные слова. Глубина, гибкость мышления состоит в том, чтобы за разностью слов уметь видеть одинаковое явление. И наоборот. Одно и то же слово в зависимости от контекста нередко означает совершенно разные предметы. Конкретность подхода, умение узнавать в разных нарядах одного и того же человека – условие не просто знания, а понимания происходящего и того, что куда-нибудь вообще можно прийти.

Исторические этапы развития человечества различают по разным основаниям и с неодинаковой степенью детализации. В контексте способов производства и социальных отношений после неолита принято говорить о существовании аграрного, индустриального и постиндустриального обществ. В символическом универсуме этому приблизительно соответствует реалистическое, модернистское и постмодернистское сознание. Если брать непосредственно знание, науку, то в их развитии, соответственно, выделяются классическая, неклассическая и постнеклассическая стадии. В философии это примерно этапы субстанциализма и эволюционизма (метафизики), энергетизма и субъектности (диалектики), структурализма и синергетики (реляционизма).

Для выявления сущности постмодернизма его важно соотнести с данными этапами исторического процесса, прежде всего с предшествующим – модернизмом, предварительно уяснив различие между многообразным реальным содержанием любого общества и *тенденцией*, главным, ведущим направлением его развития, которое в символическом универсуме выражается в виде господствующей идеологии. Даже сейчас на нашей планете где-то умирают с голода люди и есть рабство, но все-таки говорят о глобальном потребительском обществе и демократии. Они – тенденция.

Терминологически различие между фактически существующим содержанием общественной жизни и направленностью перемен фиксируется так называемым «измом». Различают общество, эпоху модерна и – модернизм. Общество, эпоху постмодерна и – постмодернизм. В обществе модерна существовало, разумеется, и сельское хозяйство, даже охота, рыболовство, и реализм, даже мифотворчество, но ведущей силой было индустриальное производство, обработка природных материалов, машинерия, в искусстве же, соответственно, в центре внимания находятся авангардизм, экспериментаторство, разного рода технические новации. Модернизм – это передовой отряд эпохи модерна. Аналогичным образом в обществе постмодерна есть и сельское хозяйство, и обрабатывающая промышленность, в культуре реализм, модернизм, но в фокусе интереса – информационные технологии, виртуальные реальности, видеоарт и телевидение. Постмодерн – это эпоха, общество в целом со всем, что в нем существует. *Постмодернизм – это господствующее направление развития в эпоху постмодерна*. Направление, которое дает название всему сложному многомерному обществу, всей противоречивой многовекторной эпохе. Это ее *Zeitgeist* – дух времени. Но не все время и не все общество, сводить их к одному вектору есть редукционизм, выражение упрощенчества и примитивистского понимания мирового развития. Различение понятий модерна и модернизма, как и постмодерна и постмодернизма помогает более глубоко смотреть на происходящие процессы, хотя в текущей словесной практике они нередко отождествляются (мы тоже вынуждены не всегда разграничивать их в явной форме).

Теперь о соотношении ближайших социально-исторических этапов – модерн(изм)а с постмодерн(изм)ом: они еще современники и взаимо(противо)действуют, переплетаются друг

с другом, поставляя основной материал идейной борьбе в нынешнем символическом универсуме. Среди множества точек зрения, большинство из которых имеют характер нюансировки и путаницы, довольно отчетливо выделяются *два подхода: постмодернизм есть углубление и усиление модернизма или, напротив, это отказ от него, его отрицание и преодоление, возврат к классике.*

Ответ во многом обусловлен предварительным пониманием модернизма, который также имеет минимум два значения: узкое, конкретно-историческое и расширенное, включившее в себя предшествующие этапы (феномен компрессии времени). В узком смысле модернизм возник в борьбе с традицией и реализмом, с классикой, призывая «сбросить Пушкина с парохода современности» (русские авангардисты), а с точки зрения классики оцениваемый как «труп красоты» (С. Булгаков о картинах П. Пикассо). В начале XX в. столкновение между классикой и модернизмом было не менее острым, значимым и шумным, нежели между модернизмом и постмодернизмом сейчас. Оно было выражением торжества индустриального общества над преиндустриальным, аграрным, сопровождавшееся поворотом от описания реальности «как она есть», открытия и репрезентации природы к ее преобразованию, переделке в соответствии с целями субъекта. Постепенно, по мере роста преобразовательной активности человека, модернизм начал включать в себя классику и представлять от эпохи Просвещения в целом. Время, бывшее до модерна, приняло его формы и сейчас оно противопоставляется постмодерну как нечто единое, гомогенное. Когда-то отрицавший прошлое, традицию, устремленный в будущее, лишившись своего футуристического пафоса, модернизм стал олицетворением нормы, своеобразным официозом, хотя под давлением постмодернизма, уже устаревающим, приближающимся к «мертвой классике». Происходит эта компрессия времени не по его вине. Актуализм и презентизм – довольно обычные повседневные формы восприятия бытия человеком (понятное свойство существа, живущего один раз и недолго). Однако в теоретическом исследовании руководствоваться оперативной памятью недостаточно и его надо стремиться преодолевать. Только вписав явление в историю, установив связи наследования или отторжения, можно выработать адекватное к нему отношение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.